

Дворец Хэби, главный зал которого назывался Ляньби, не пользовался особой любовью матушки. Она предпочла поселиться с Ли Данем в северном зале Цишэн. Когда я вошла внутрь, то увидела, что в боковом зале, как и у А-Хуань, было отгорожено большое пространство, заполненное множеством игрушек: кожаными мячами, тряпичными тиграми, пернатыми куклами и колокольчиками. Ли Дань и Шоули играли там вместе. Шоули вот-вот должен был исполниться год, он уже с трудом вставал на ноги и делал несколько шатких шагов. Ли Дань, который был старше его на полгода, ходил уже увереннее и, схватив мяч, начал швырять его в Шоули. Няньки не только не останавливали его, но даже подбадривали. Удар мячом, кажется, не причинял боли, и Шоули лишь смеялся, но мне стало как-то не по себе. Опустившись на колени у ограждения, я с улыбкой сказала Ли Даню:

— Шэнжэнь, ты любишь Шоули? Если любишь, то не бросай в него вещи.

Ли Дань наклонил голову, словно не понимая моих слов. Я назвала его «Шэнжэнь» лишь из уважения к матушке, но, поскольку её не было рядом, я не стала обращать на него внимания и лишь поманила Шоули:

— Шоули, иди сюда, к тёте.

Шоули был со мной знаком и, размахивая своими маленькими пухлыми ножками, побежал ко мне, но, сделав пару шагов, упал и, смеясь, пополз в мою сторону. Присев у ограждения, я хотела взять его на руки, но вспомнила, что сама ещё болею, и просто взяла мяч, подбрасывая и ловя его:

— Шоули, смотри, что делает тётя?

Шоули, увидев, как я играю с мячом, начал махать руками, словно хотел поймать его. Я попробовала бросить мяч ему, но он не смог поймать, лишь смотрел, как мяч падает на пол, и, не расстроившись, поднял голову, улыбаясь мне. Этот малыш смеялся целыми днями, и я не могла понять, чему он радуется, но его улыбка была настолько прекрасной, что могла сравниться разве что с улыбкой А-Хуань. Теперь я была уверена, что он её родной сын — ведь даже ямочки на щеках, появляющиеся при улыбке, были одинаковыми.

Шоули, увлечённый игрой со мной, не заметил, что Ли Дань оказался позади. Этот малыш был не так спокоен и, видя, что мы его игнорируем, начал кричать что-то невнятное, затем подбежал и ударил Шоули колокольчиком. Шоули, ошеломлённый, сел на пол, готовый заплакать, но я быстро поманила его:

— Шоули, не плачь, иди сюда.

Он потянулся ко мне, но Ли Дань снова подбежал и ударил его по голове. На этот раз Шоули громко заплакал. Его няньки забеспокоились, и одна из них тихо сказала:

— Шэнжэнь, так нельзя.

Но это вызвало гнев няньки Ли Даня, которая, широко раскрыв глаза, словно медные колокольчики, тихо прошипела:

— Ты кто такая, чтобы указывать Шэнжэню!

В моей груди вспыхнула ярость, словно это была моя нянька, которую отчитали. Но, несмотря на юный возраст, Ли Дань был императором, и я не могла возразить. С трудом сдерживая гнев, я перелезла через ограждение, взяла Шоули на руки и начала успокаивать его. Ли Дань,

увидев это, снова бросил колокольчик в Шоули. Я хотела уклониться, но, подумав, позволила ему ударить меня — удар был болезненным, и я представила, как больно было бы Шоули.

Няньки Ли Даня, увидев, что он попал в меня, заволновались и начали уговаривать его. Но мальчик, разозлившись, стал кричать ещё громче. Я не могла больше терпеть его поведение и, взяв Шоули, вышла из зала. Ли Дань, не добившись своего, устроил истерику, сел на пол и зарыдал.

Наш шум привлёк внимание матушки, и из переднего зала пришла служанка:

— Вдовствующая императрица спрашивает, что случилось. Не заболел ли Шэнжэнь?

Я посмотрела на Шоули, который всё ещё всхлипывал у меня на руках, и на Ли Даня, который сидел на полу и громко плакал, но не ответила. Няньки переглянулись, тоже не решаясь сказать что-либо. Служанка, видимо, знала характер Ли Даня и, не получив ответа, ушла. Через некоторое время вернулась другая:

— Вдовствующая императрица вызывает Шэнжэня, принцессу и старшего сына князя Лулина.

Я, держа Шоули на руках, подошла к матушке и почтительно поклонилась. Ли Дань, увидев её, обрадовался, вырвался из рук няньки и бросился к ней, чётко произнеся:

— Матушка.

Матушка, улыбаясь, обняла его, но, взглянув на Шоули у меня на руках, слегка нахмурилась:

— Шоули разгневал императора?

Мне стало тяжело на душе, и, поставив Шоули на пол, я почтительно поклонилась матушке и Ли Даню:

— Это император обидел Шоули.

Взяв Шоули за руку, я подтолкнула его вперёд:

— Шоули, поздоровайся с бабушкой.

Шоули, с невысохшими слезами на лице, посмотрел на меня, затем на матушку и неуверенно, невнятно произнёс:

— Вдовствующая императрица.

Матушка, из уважения ко мне, не стала строго обращаться с Шоули и даже подозвала его к себе, слегка обняв. Однако нянька Шоули всё же получила двадцать ударов палками, ведь Ли Дань был императором — императорское достоинство нельзя было оскорблять, даже если он был ещё совсем малышом.

К счастью, Шоули был слишком мал, чтобы понять это, и, успокоенный служанками, снова начал беззаботно улыбаться. Ли Дань, устроив истерику, быстро забыл о произошедшем и снова потянулся к Шоули, чтобы поиграть. Я, чувствуя несправедливость, взяла Шоули на руки и поклонилась матушке и Ли Даню:

— Шоули ещё мал и может случайно оскорбить императора. Лучше я отведу его.

Ли Дань, не совсем понимая, стоял перед матушкой, смущённо посмотрел на меня и произнёс:

— Старшая сестра.

Затем он обернулся к матушке, которая обняла его, не позволив подойти ко мне, но поманила меня к себе. Она дотронулась до моего лба и сказала:

— Я знаю, что ты его любишь. Пусть он поиграет с тобой немного, но недолго, чтобы не мешать тебе выздоравливать.

Я понимала, что она заботится обо мне, но мне стало ещё тяжелее. Мой Шоули казался мне таким милым, но, в сущности, он был лишь сыном князя, как и А-Хуань — представителем боковой ветви, никому не интересным.

Я вышла из дворца, держа Шоули на руках. Малыш, не понимая произошедшего, радостно ёрзал у меня на руках. Он заметно подрос, и вскоре я вспотела, но, увидев, что слуги Дворца Хэби начали уговаривать меня, внезапно почувствовала раздражение и, собравшись с силами, отнесла Шоули в Чертог Циюнь. Там я терпеливо играла с ним, пока он не устал, и велела отнести его в боковой зал, чтобы он поспал. Затем я вызвала слуг Шоули:

— Когда заболела княгиня? Как она себя чувствует? Вы её видели? Как она выглядела?

Оказалось, они действительно видели А-Хуань и ответили:

— Она простудилась на охоте. Не знаю, вызывали ли ей врача, но Цинян сразу же обратилась к аптекарю за рецептом. Когда мы её видели, она выглядела неплохо, кашляла лишь после нескольких фраз, одевалась по сезону и использовала благовония.

<http://bllate.org/book/16278/1467236>